

ВОЕННЫЙ РОМАНЪ.

III.

ЭРГМАНЪ - ШАТРИАНЪ.

(Окончаніе.)

Романъ „Ватерлоо“, служащій продолженіемъ „Исторіи конскрипта 1813 года“ основанъ на той же главной мысли, которую авторы стараются проводить въ своихъ произведеніяхъ. И главныя дѣйствующія лица здѣсь тѣ же самыя: Іосифъ Берта, получившій безсрочный отпускъ, живетъ опять у старика Гульдена, и, выхлопотавъ себѣ разрѣшеніе на вступленіе въ бракъ, женится на своей возлюбленной Катеринѣ, ведетъ покойную трудовую жизнь подмастерья, наслаждаясь счастіемъ семейной жизни. Будущность его обезпечена, такъ какъ Гульденъ имѣренъ, послѣ своей смерти, передать ему всю свою мастерскую. Казалось, что для полнаго счастья Іосифа Берта болѣе ничего не нужно; но въ это именно время Франція стояла уже надъ вулканомъ, который грозилъ ей страшнымъ потрясеніемъ.

Съ паденіемъ Наполеона и съ возвращеніемъ Бурбоновъ, все во Франціи получило новое направленіе, диаметрально противоположное тому, какое было во время имперіи. Уже одно то, что Бурбоны были возвращены иноземцами, которыми побѣдивъ Францію, предписали ей форму правленія и границы, могло сдѣлать новое правительство непопулярнымъ. Да и сами Бурбоны будто умышленно поступали такъ, чтобы усилить свою непопулярность. Вмѣстѣ съ Бурбонами возвратились и эмигранты, но возвратились, по выраженію од-

ного писателя „ничему не научившись и ничего не забывши изъ прошлаго“. Они требовали возстановленія прежнихъ порядковъ, возвращенія имъ конфискованныхъ имѣній и всѣхъ привилегій; все, что было создано Наполеономъ, подвергалось уничтоженію, гоненіямъ и притѣсненіямъ; особенно терпѣла армія, потому что въ ней болѣе всего хранилась преданность къ императору и къ прежнему порядку дѣлъ. А между тѣмъ, Франція далеко не была такою, какою ее оставили Бурбоны: она выработала себѣ многія новыя учрежденія, которыя теперь у нея отнимали или старались ограничить; она попрежнему видѣла въ наполеоновской арміи слѣды своей славы, огласившей всю Европу. Послѣ этого понятны причины и всеобщаго неудовольствія, и ропота противъ новаго правительства. Эркманъ—Шатрианъ вѣрно очерчиваютъ тогдашнее положеніе Франціи, посвящая ему почти половину всего романа. Здѣсь талантъ писателей проявляется во всей силѣ; они не прибѣгаютъ къ натяжкамъ; все выходитъ естественно и живо. Особенно хорошо изображено тяжелое, унижительное положеніе старыхъ наполеоновскихъ воиновъ во время, предшествовавшее возвращенію Наполеона съ острова Эльбы. Униженіе это чувствовали не только ветераны, но и молодые солдаты, сдѣлавшіе одну кампанію; чувствовали это и всѣ сколько-нибудь интересовавшіеся арміею, имѣвшіе въ ней родныхъ и друзей. Пылкій Зебеде опять является на сцену; онъ служитъ въ томъ же 6-мъ линейномъ полку, съ которымъ дѣлалъ кампанію 1813 года, и всецѣло отдавшись интересамъ арміи, горячо сочувствуетъ горестному ея положенію.

— „Зебеде—разсказываетъ Іосифъ Берта—часто посѣщала насъ, и мы видѣли, что онъ знаетъ все, о чемъ говорилось въ оппозиціонныхъ газетахъ. Онъ первый сообщилъ намъ, что эмигранты принудили генерала Вандама удалиться отъ двора. Этотъ маршалъ пользовался большимъ авторитетомъ въ арміи, несмотря на свою неудачу подъ Кульмомъ; когда же, возвратившись изъ Россіи, гдѣ онъ былъ въ дѣлѣ, Вандамъ явился во дворецъ, то эмигранты, окружавшіе короля, объявили, что ему здѣсь не мѣсто. Извѣстіе это взволновало всѣхъ честныхъ людей Поляцбурга: здѣсь всѣ знали Вандама съ самой лучшей стороны еще въ то время, когда онъ, будучи полковникомъ, стоялъ въ этомъ городѣ. Зебеде сообщилъ намъ также, что министерство начинаетъ процессы съ генералами,

уволненными на половинное жалованье, и перехватываетъ на почтѣ ихъ письма, чтобы найти предлогъ къ обвиненію въ измѣнѣ. Отъ него же мы узнали, что изъ института Сентъ-Дени высылаютъ всѣхъ дочерей старыхъ офицеровъ, давъ имъ по двѣсти франковъ пенсїи, что только эмигрантамъ будетъ предоставлено право помѣщать своихъ сыновей въ военныя школы Сентъ-Сирскую и Лафлешъ, для полученія офицерскаго званія, а нижніе чины изъ простолюдиновъ будутъ оставлены солдатами, безъ надежды на повышение.

„Вся зима—продолжаетъ Берта—прошла такимъ образомъ; негодование возрастало со дня на день. Городъ былъ переполненъ уволенными съ половиннымъ окладомъ офицерами, несмѣнными долѣе оставаться въ Парижѣ: поручики, капитаны, майоры, полковники всѣхъ полковъ кавалерїи и пѣхоты принуждены были довольствоваться, вмѣсто обѣда, кускомъ хлѣба и фюмкою вина. Представьте себѣ этихъ офицеровъ со впалыми щеками, съ лихорадочно-блестящими глазами, съ гладко-остриженными волосами, длинными усами, въ старыхъ форменныхъ пальто, на которыхъ пришлось перемѣнить только пуговицы. Представьте себѣ ихъ гуляющими небольшими кучками по площади, съ большою палкою, въ которой скрыта шпага, въ трехугольныхъ шляпахъ, надѣтыхъ поперекъ, всегда опрятныхъ, но такъ обносившихся, такихъ жалкихъ, что невольно возбуждалось глубокое состраданіе къ почтеннымъ воинамъ.... Въдѣ это были побѣдители при Жемапѣ, Флерусѣ, Цюрихѣ, Гогенлинденѣ, Маренго, Аустерлицѣ, Фридландѣ, Ваграмѣ.... Если мы имѣемъ право гордиться именемъ французомъ, то обязаны тѣмъ имъ, а ужь никакъ не графу Артуа, герцогамъ Берейскому, Ангулемскому.... И такихъ-то героевъ теперь обрели на погибель: имъ отказывали даже въ кускѣ хлѣба, во всемъ и вездѣ замѣняли ихъ эмигрантами“.

Въ слѣдующей сценѣ дѣйствующими лицами являются старыя наполеоновскіе служки.

„Никогда я не забуду — рассказываютъ авторы словами Юсефа Берта—какъ въ концѣ января 1815 г. двое изъ отставленныхъ на половинномъ окладѣ офицеровъ зашли къ намъ продать прекрасныя золотыя часы. Одинъ изъ нихъ—сухой, сѣдой, высокаго роста, былъ извѣстенъ подъ именемъ полковника Фальконета и, какъ кажется, служилъ въ пѣхотѣ; другой — маленькаго роста, коренастый, съ гусарскими усами и

багенбардами, былъ майоръ Маргаро. Было около десяти часовъ утра. Я и теперь вижу ихъ словно живыми. Принесенные на продажу часы были золотые, съ боемъ, съ секундною стрѣлкою, недѣльнаго завода; я никогда не видывалъ такихъ превосходныхъ часовъ. Пока Гульденъ разсматривалъ часы, я сталъ присматриваться къ офицерамъ, очевидно очень нуждавшимся. Особенно внашала къ себѣ уваженіе гусарь съ своимъ смуглымъ, костлявымъ лицомъ, маленькими карими глазами, рыжеватыми усами, широкоплечій; съ длинными, достигавшими почти до локтей, руками. Глядя на него, невольно представлялось, какъ далеко хваталъ онъ своей гусарской саблей, какъ быстро наносилъ и отражалъ удары, какимъ блескомъ горѣли его маленькіе глаза изъ-подъ густыхъ бровей.... Мнѣ такъ и воображалась его фигурка, почти спрятанная во время атаки за голову лошади и выказывавшаяся оттуда лишь молодецкой саблей. Тутъ я припомнилъ, что еще недавно, передъ удаченіемъ союзниковъ изъ Франціи, полковникъ Фальконетъ и майоръ Маргаро имѣли нѣсколько дуелей съ австрійскими и русскими офицерами и что объ этомъ долго говорилъ весь городъ. Это еще болѣе возвысило ихъ въ моихъ глазахъ.

„Мнѣ было любопытно звать, что скажетъ старикъ Гульденъ о часахъ; но онъ не поднималъ глазъ, а продолжалъ разсматривать часы съ видимымъ удовольствіемъ. Оба офицера ждали спокойно, но съ видомъ людей, которымъ крайне непріятно выказывать свое стѣсненное положеніе.

„Наконецъ Гульденъ сказалъ: „Господа, это прекрасное произведеніе, это просто царскіе часы“.

— „Конечно“—отвѣчалъ гусарь—„я и получилъ ихъ отъ царственной особы, послѣ сраженія на Раабѣ“.

„Майоръ взглянулъ на своего товарища.

„Гульденъ пристально посмотрѣлъ на обоихъ офицеровъ и увидѣлъ въ какой крайности они находятся. Снявъ свою шелковую шапочку, старикъ медленно поднялся съ мѣста и сказалъ:

— Господа, не оскорбитесь тѣмъ, что я скажу вамъ; я самъ старый солдатъ; я служилъ во времена республики и думаю, что сердце должно разорваться при необходимости продавать такую вещь, особенно когда она напоминаетъ намъ славное дѣло или дорогаго намъ начальника.

„Я никогда еще не слыхивалъ, чтобы Гульденъ говорилъ

съ такой задумчивостію; онъ стоялъ понуривъ голову, какъ бы не желая видѣть смущенія тѣхъ, къ кому обращался. Маіоръ покраснѣлъ; глаза его быстро замигали, пальцы двигались судорожно; полковникъ стоялъ блѣдный какъ полотно. Мнѣ было неловко, я хотѣлъ уйти.

„Гульдены продолжалъ:— „Часы стоятъ болѣе тысячи франковъ, но у меня нѣтъ такихъ денегъ, да и вамъ, я думаю, было бы жалъ разстаться съ такимъ воспоминаніемъ. Вотъ что я предложу: часы останутся у меня на выставкѣ, но будутъ принадлежать вамъ; я же выдамъ вамъ въ ссуду двѣсти франковъ, которые вы уплатите мнѣ при первой возможности“.

„Услыхавъ это, гусаръ протянулъ свои длинныя руки, какъ бы желая обнять старика Гульдена. — „Вы добрый патриотъ!“—вскричалъ онъ.... „Не даромъ мнѣ это говорили. Я никогда не забуду вашей услуги. Эти часы я получилъ отъ принца Евгенія за блистательное дѣло. Я дорожу ими болѣе чѣмъ своей жизнию.... но.... бѣдность....

— „Маіоръ!“ прервалъ его полковникъ, поблѣднѣвъ.

„Гусаръ не хотѣлъ слушать товарища.

— „Нѣтъ, полковникъ, оставьте меня.... мы здѣсь между своими.... старый солдатъ пойметъ меня.... Насъ оскорбляютъ.... съ нами обращаются безчестно.... Они слишкомъ трусливы, чтобы разстрѣлять насъ!“...

„Громкая рѣчь маіора раздавалась по всему дому. Я, вмѣстѣ съ Катериною, убѣжалъ въ кухню, чтобы не быть свидѣтелемъ печальнаго зрѣлища. Гульдены успокаивалъ гусара; мы слышали какъ онъ сказалъ: „Да, я все это знаю, господа; я вполне васъ понимаю“.

— „Полноте, Маргаро, успокойтесь“—говорилъ полковникъ“. Переговоры продолжались съ четверть часа; наконецъ, мы услышали, какъ Гульдены отсчиталъ деньги и какъ гусаръ сказалъ ему: „Благодарю васъ, благодарю! При случаѣ вспомните о маіорѣ Маргаро“.

„Дверь отворилась и офицеры сошли по лѣстницѣ, провожаемые Гульденомъ. Мы воротились въ комнату. Тестъ мой былъ взволнованъ. — „Несчастные правы—сказалъ онъ, надѣвая свою шапочку — правительство поступило съ ними нехорошо: но, раньше или позже, будетъ отплата“.

Возмездіе, въ самомъ дѣлѣ, было близко. Въ первыхъ числахъ марта, неизвѣстно откуда, распространился слухъ, что

Наполеонъ удалился съ острова Эльбы и въсадился въ южной Франціи, у Каина. Бурбонское правительство старалось скрывать рѣшительное извѣстіе, но оно съ быстротою молніи облетѣло всю Францію и возбудило всеобщее волненіе. Отставленные на половинный окладъ офицеры вздохнули свободѣе; ихъ лица просіяли. Всѣ ждали чего-то необыкновеннаго; войска выступали изъ своихъ квартиръ, чтобы идти противъ Наполеона; но каждый солдатъ имѣлъ уже наготовѣ трехцвѣтную кокарду, которая, при первомъ удобномъ случаѣ, должна была замѣнить ненавистную бѣлую кокарду Бурбоновъ.

Всеобщее оживленіе надеждъ при появленіи Наполеона необыкновенно живо изображено Эрманомъ и Шатріаномъ; въ особенности полна интереса и жизни та сцена, когда въ Поальдбургѣ получены были первыя газеты съ извѣстіемъ о высадкѣ Наполеона. Газетами прямо съ почты овладѣваетъ майоръ Маргаро и, окруженный наполеоновскими офицерами, спѣшитъ въ ресторанъ, гдѣ собрался почти весь городъ узнать свѣжія новости.

„Надо было видѣть въ эту минуту лица отставленныхъ офицеровъ. Ихъ большія трехугольныя шляпы, длинныя усы, истомленные лица, глаза, горѣвшіе особеннымъ блескомъ, все это, при освѣщеніи люстръ, придавало имъ необычайно-выразительную наружность. Безпокойство и нетерпѣніе отражались на ихъ лицахъ; ясно было, что они ничего не видятъ, ничего не замѣчаютъ, что духъ ихъ виталь не здѣсь, а тамъ гдѣ-то съ Наполеономъ.“

„Зала все болѣе и болѣе наполнялась; стало душно и пришлось отворить окна. Снаружи вся улица была занята народомъ.“

„Къ счастью, я, съ Гульденомъ, пришелъ рано, и мы заняли выгодное мѣсто. Я влѣзъ на стулъ и увидѣлъ, что вся комната набита биткомъ; у дверей стояли два жандарма. Майоръ Маргаро поднялся на столъ и въ то же мгновеніе, даже на улицѣ раздались крики: „Смирно! слушайте!“ Водворилась глубокая тишина.“

„Майоръ началъ читать газету громкимъ, чистымъ голосомъ, отчеканивавшимъ каждое слово съ особеннымъ выраженіемъ. Думаю, голосъ этотъ слышенъ былъ на другомъ концѣ города. Чтеніе продолжалось долго, потому что майоръ читалъ все, безъ пропусковъ. Помню, въ газетѣ говорилось, что такъ“

называемый *Буонапарте*, врагъ общественнаго спокойствія, де-ошотъ, державшій въ теченіе пятнадцати лѣтъ Францію въ раб-ствѣ, бѣжалъ изъ своего заточенія и дерзнулъ снова явиться въ странѣ, залитой по его милости кровью; но войска, остав-шіяся вѣрными королю и отечеству, уже посланы противъ него, и Буонапарте, видя общее къ нему нерасположеніе, сирмася въ горахъ съ толпою бродягъ, окруженъ со всѣхъ сторонъ и неизбѣжно въ скоромъ времени будетъ захваченъ.

„Помню также, въ газетѣ объявлялось, что всѣ маршалы поспѣшили предложить свои услуги королю, отцу народа, и что знаменитый маршалъ Ней цѣловалъ руку короля, обѣщая доставить Буонапарте въ Парижъ живымъ или мертвымъ.

„Въ толпѣ раздавались насмѣшки надъ газетнымъ извѣ-стіемъ....

„Но самая эффектная сцена была въ концѣ, когда маіоръ сталъ читать приказы. Первый изъ нихъ опредѣлялъ разные движенія для войскъ, а второй повелѣвалъ всѣмъ французамъ подняться противъ Буонапарте, захватить его и представить живымъ или мертвымъ, такъ какъ онъ самъ поставилъ себя внѣ всякаго закона. Въ эту минуту маіоръ, который до сихъ поръ только смѣялся, произнося имя Буонапарте, и худощавое лицо котораго, освѣщенное люстрою, только подергивалось, когда окружавшіе слушали его, въ эту минуту старый гусарь встрепенулся: выраженіе лица его разомъ измѣнилось. Оно судорожно сжалось, маленькіе глаза засвѣтились какъ у кошки, усы, бакенбарды поднялись дыбомъ.... Онъ скомкалъ газету, изорвалъ ее на тысячу кусковъ, потомъ поблѣднѣлъ, выпрямился и, протянувъ свои длинныя руки, грянулъ: „Да здравствуетъ императоръ!“.... грянулъ такимъ страшнымъ голосомъ, что у насъ морозъ пробѣжалъ по ножѣ. Едва маіоръ произнесъ эти слова, какъ всѣ отставленные офицеры подняли кверху свои шляпы, кто прямо руками, кто на пальцахъ, повторяя въ одинъ голосъ: да здравствуетъ императоръ! Казалось, потолокъ готовъ былъ обрушиться отъ криковъ. Меня такъ и обдало холодомъ. Теперь, подумалъ я, все кончено! толкуй подобнымъ людямъ о любви къ миру! На улицѣ, въ толпѣ горожанъ, тотъ же крикъ былъ повторенъ и солдатами, стоявшими въ караулѣ у ратуши. Мнѣ любопытно было знать что-то стануть дѣлать жандармы; но они молча удалились. Это были также старые наполеоновскіе солдаты.

„Но тѣмъ еще не все кончилось. Когда майоръ хотѣлъ сойти со стола, какой-то офицеръ крикнулъ, что его надо торжественно нести на рукахъ, и тотчасъ же гусара подхватили за ноги и понесли вокругъ залы, расталкивая толпу и восклицая: „да здравствуетъ императоръ!“ А майоръ, положивъ свои длинныя руки на плечи тѣмъ, которые несли его, выпрямивъ голову надъ ихъ шляпами, тронутый очевидно тѣмъ, что товарищи несутъ его, да и кричатъ еще то, что ему дороже всего на свѣтѣ, майоръ плакалъ какъ ребенокъ. Никто не повѣрилъ бы, что такое лицо могло плакать.... Онъ ничего не говорилъ; глаза его были закрыты, а слезы такъ и текли по щекамъ и по длиннымъ усамъ“.

Вѣсти о постепенныхъ успѣхахъ Наполеона видимо радовали все населеніе Франціи; стало извѣстно, что всѣ войска переходятъ на его сторону, что и маршалъ Ней не рѣшился дѣйствовать противъ него, что, наконецъ, Людовикъ XVIII бѣжалъ изъ Парижа, куда торжественно вступилъ Наполеонъ, снова провозгласившій Францію имперіей! Энтузіазмъ французовъ дошелъ до послѣднихъ предѣловъ: въ Наполеонѣ они видѣли своего освободителя отъ Бурбоновъ, отъ ненавистныхъ клерикаловъ и эмигрантовъ. За Наполеона вся Франція готова была подняться какъ одинъ человекъ, чтобы защищать противъ соединенной Европы права его, отстаивать себѣ свободу располагать своею судьбою.

Въ такую торжественную минуту, при такомъ всеобщемъ воодушевленіи, казалось, должны были бы исчезнуть всѣ личные расчеты и соображенія. Но Іосифъ Берта остается вѣренъ той роли, которую дали ему авторы: онъ видитъ только то, что ему придется снова взяться за ружье, надѣть мундиръ, получить извѣстное количество патроновъ и сухарей, и снова отправляться Богъ-вѣсть куда, на явную опасность и гибель. Даже жена его, Катерина, обнаруживаетъ въ этомъ случаѣ болѣе мужества, самоотверженія и покорности судьбѣ. Когда тетка Іосифа настаиваетъ, чтобы онъ непременно бѣжалъ отъ военной службы въ Швейцарію, Катерина не поддерживаетъ ее, а напротивъ заявляетъ, что во всемъ надо слушаться старика Гульдена, который хотя и не сочувствуетъ войнѣ, но, какъ честный человекъ, признаетъ, что не хорошо скрываться, а нужно взяться за оружіе, коль скоро отечество находится въ опасности.

Однако Гульдентъ, видя слабое здоровье Іосифа, котораго любилъ какъ роднаго сына, исходатайствовалъ ему назначеніе въ ружейную мастерскую, учрежденную въ Поальцбургѣ. Но Наполеону нужны были солдаты, чтобы дать отпоръ собиравшимся противъ него громаднымъ силамъ союзниковъ, а потому и Іосифъ Берта получилъ приказаніе присоединиться къ своему полку.

Послѣдніе дни, проведенные имъ на родинѣ, прощаніе съ женою и съ старикомъ Гульденкомъ описаны чрезвычайно хорошо. Подобнаго рода сцены особенно удаются Эрману и Шатріану; онѣ полны теплаго, душевнаго чувства, и обнаруживаютъ въ авторахъ мягкое, симпатичное сердце.

Итакъ, для героя романа снова начался походъ; въ половинѣ іюня онъ уже былъ въ составѣ дѣйствующей арміи, съ которою Наполеонъ, желая предупредить союзниковъ, вторгнулся въ Бельгію, занятую англичанами, пруссаками и контингентами германскихъ государствъ. Здѣсь Берта становится похожимъ на дѣйствительнаго и боеваго солдата. Онъ видитъ, что ему нѣтъ спасенія; онъ старается вооружиться всѣмъ запасомъ силы воли; притомъ въ немъ разыгрывается теперь и самолюбіе: какъ человѣкъ бывалый, дѣлавшій уже кампанію, видавшій виды, онъ принимаетъ на себя роль стараго служаки, повторяетъ остроты, какія остались у него въ памяти отъ сержанта Пинто и другихъ сослуживцевъ 1813 года; онъ какъ бы принимаетъ даже подъ свое покровительство неуклюжаго конскрипта Буша, недалекаго, но добраго малаго, которому военная служба очень нравится, потому что въ полку хорошо кормятъ сравнительно съ деревней, гдѣ онъ питался однимъ картофелемъ; да къ тому же, по его мнѣнію, вовсе и нѣтъ тяжелой работы. Только съ однимъ не можетъ примириться Бушъ: это башмаки, которые жмутъ ему ноги и мѣшаютъ ходить; дома онъ всегда ходилъ босикомъ. По его мнѣнію, если бы не башмаки, то военная служба была бы чуть не рай земной. Этотъ-то Бушъ и сдѣлался на всю кампанію постояннымъ товарищемъ Іосифа Берта.

Принявъ на себя роль стараго солдата, герой романа, хотя конечно съ стѣсненнымъ сердцемъ, храбрится и уже не такъ много сантиментальничаетъ и разсуждаетъ, какъ въ кампанію 1813 года; онъ даже увлекается общимъ энтузіазмомъ и чтеніе прокламаціи Наполеона приводитъ его въ трепетъ, воодушев-

лечь его. Правда и то, что прокламація была написана весьма ловко: въ ней главными зачинщиками войны выставлены, разумѣется, не Наполеонъ, а союзники, которые желали будто бы поработить Францію, навязать ей образъ правленія, какого она не хочетъ, лишить ее всѣхъ тѣхъ преимуществъ и свободы, которыя она завоевала себѣ продолжительною борьбою, цѣлыми потоками крови. Прокламація произвела такое дѣйствіе, что рѣшительно вся армія проявилась негодованіемъ противъ враговъ отечества; все рвалось впередъ, жаждало скорѣе сойтись съ непріателемъ, сразиться съ нимъ, обѣщая не давать пощады.

Ко всему этому присоединились слухи, будто въ арміи явились измѣнники. Оказалось, что генералъ Бурмонъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими находившимися въ авангардѣ, передались непріятелю. Это еще болѣе воспламенило войска, усилило въ нихъ желаніе скорѣе вступить въ бой, чтобы наказать измѣнниковъ и враговъ императора и отечества. И, однакожь, это была далеко уже не прежняя, связанная строгою дисциплиною, наполеоновская армія. Извѣстіе объ измѣнѣ возбудило ропотъ, толки въ войскахъ; явилось подозрѣніе противъ офицеровъ, стали поговаривать — и кто же? нижніе чины, — что слѣдуетъ перебить всѣхъ офицеровъ, служившихъ при Людовикѣ XVIII, что надо предать суду даже нѣкоторыхъ маршаловъ, склонныхъ къ измѣнѣ, необходимо разстрѣлять ихъ. Плохо той арміи, въ которой зарождаются подобные слухи: они свидѣтельствуютъ, что въ ней нѣтъ единства, взаимнаго довѣрія, что въ ней начинается нравственное разложеніе.

Но вотъ начались и военные дѣйствія. Французская армія встрѣтилась съ пруссаками, занимавшими позицію при Линьи; центръ ихъ былъ въ этомъ селеніи; лѣвый флангъ упирался въ селеніе Сомбрефъ, правый въ Сентъ-Аманъ. Авторы опять ограничиваются описаніемъ почти исключительно тѣхъ дѣйствій, въ которыхъ участвуетъ главный герой разсказа, Іосифъ Берта, именно боемъ въ самомъ селеніи Линьи, который впрочемъ составлялъ наиболѣе важный и самый кровавый эпизодъ всего сраженія. И французы, и пруссаки дрались здѣсь отчаянно, не давая пощады, почти не забывая плѣнныхъ; селеніе неоднократно переходило изъ рукъ въ руки; но нѣсколько разъ надлежало брать штурмомъ от-

дѣльные дома, занимаемые попеременно то французами, то прусаками.

Эти эпизоды описаны въ романѣ „Ватерлоо“ съ ужасающими подробностями. Вотъ для образца одинъ изъ подобныхъ эпизодовъ, по рассказамъ героя романа.

„Вдругъ капитанъ Флорентинъ остановилъ нашу роту; нашему баталіону приказано было занять нѣсколько домовъ по обѣ стороны большой улицы, чтобы огнемъ оттуда поддерживать главную атаку.

„Насъ засѣло человекъ пятнадцать въ амбарѣ. Какъ теперь вижу лѣстницу, которая упиралась въ квадратное отверстіе ведущее на чердакъ, двухъ или трехъ прусаковъ лежавшихъ мертвыми у стѣвы, ветхую дверь, пробитую пулями и висѣвшую на одной петлѣ, а въ глубинѣ амбара слуховое окно на тыльную улицу. Зебеде командовалъ нашимъ постомъ; поручикъ Бретанвилъ помѣстился въ противоположномъ домѣ, а капитанъ Флорентинъ гдѣ-то дальше.

„Вся улица была занята нашими до самого ручья.

„Первымъ дѣломъ было поправить и укрѣпить дверь; но едва мы приступили къ работѣ, какъ на улицѣ раздался страшный трескъ: стѣны, крыши, ставни, все разомъ обрушилось; два солдата, стоявшіе снаружи, чтобы поддерживать дверь, упали сраженные. Въ то же время близъ ручья, на самомъ мосту, началось общее смѣтеніе отступающей колонны; съ десятокъ выстрѣловъ, подобныхъ первому, засвистѣли въ воздухъ..... Это открыли огонь картечью шесть орудій, скрытыхъ Блюхеромъ въ концѣ улицы.

„Вся атакующая колонна, барабанщики, солдаты, пѣшіе и конные офицеры, все это шархнулось назадъ и понеслось словно ураганъ. Никто не оборачивался; кто упалъ, того и поминай какъ звали. Лишь только послѣдніе изъ бѣгущихъ миновали нашу дверь, Зебеде высунулся посмотреть и въ ту же минуту закричалъ намъ: „прусаки!“

„Онъ выстрѣлилъ. Многие изъ нашихъ уже взобрались на лѣстницу, но прежде чѣмъ я сталъ карабкаться вслѣдъ за другими, прусаки были уже въ амбарѣ. Зебеде, Бушъ, и всѣ тѣ кто не успѣлъ подняться наверхъ, стали отбиваться штыками. Живо представляются мнѣ и теперь прусакъ, съ огромными усами, красными лицами и плоскими киверами; они рвались какъ изстуженные. Никогда не приходилось мнѣ видѣть подоб-

ной свалки. Зебеде закричалъ: „нѣтъ помощи!“ какъ будто мы были сильнѣе; но въ то же мгновеніе получилъ ударъ прикладомъ въ голову и упалъ.

„Неминуемая гибель товарища возмутила меня. Я крикнулъ: „въ штаны!“ и всѣ мы дружно бросились на прусаковъ; тѣмъ временемъ наши открыли огонь съ чердака и съ соединенныхъ домовъ, и намъ удалось отгнать непріятелей.

„Но за отбитыми прусавами явились другіе. Бушъ взвалилъ себѣ Зебеде на плечи и потащилъ его наверхъ. Мы опрометью кинулись туда же, крича ему, чтобы онъ спѣшилъ, и старались помочь ему скорѣе взойти. Я былъ предпоследнимъ. Казалось, лѣстницѣ конца не будетъ, а ружейные выстрѣлы уже раздавались въ амбарѣ. Однако мы успѣли укрыться.

„У всѣхъ насъ была одна мысль: поднять лѣстницу на чердакъ; но каковъ былъ нашъ ужасъ, когда мы, втаскивая ее подъ пулями, направленными въ насъ снизу и раздробившими голову одному изъ нашихъ, увидѣли, что лѣстница слишкомъ длинна и не помѣстится на чердакѣ. Насъ обдало холодомъ.... Вдругъ Зебеде, очнувшись, совѣтовалъ заложить ружье въ ступеньки. Эта счастливая мысль спасла насъ.

„Внизу происходила необычайная суматоха. Вся улица наводнилась прусаками, нашъ амбаръ былъ полонъ ими, и головорѣзы кричали въ иступленіи: „не брать плѣнныхъ!“

„Раздраженные нашими выстрѣлами, прусаки выламывали двери, дрались въ домахъ; все слилось въ одинъ гулъ: и ругательства, на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, и крики поручика Бретонвиля насупротивъ, и приказанія прусскихъ офицеровъ принести соломы, чтобы поджечь насъ. Къ счастью, жатва еще не была собрана, а то всѣ мы погибли бы въ огнѣ.

„Началась стрѣльба въ нашъ потолокъ, но онъ былъ изъ толстыхъ дубовыхъ досокъ и пули ударялись въ нихъ какъ молотокъ. Мы же одинъ за другимъ стрѣляли на улицу и ни одинъ изъ нашихъ выстрѣловъ не пропалъ даромъ.

„Прусаки, казалось, опять заняли площадь около церкви, потому что нашъ огонь слышался только вдали. Мы остались одни, отъ 300—400 человекъ, среди трехъ или четырехъ тысячъ разсвирѣпѣвшаго непріятеля....

„Ну, пришелъ твой конецъ, Іосифъ, подумалъ я. Отсюда не выбраться тебѣ цѣлымъ. Я не смѣлъ и подумать о Кат-

ржи; сердце мое сжалось... Намъ не было отступленія: прусаки заняли уже и тыльные переулки, овладѣли нѣсколькими домами. Вдругъ все стихло.... неприятели къ чему-то готовились: они искали соломы, сѣна, хворосту, направляли орудія, чтобы уничтожить насъ. Стрѣлки наши, выглянувъ въ отверстіе, увидѣли, что амбаръ пустъ. Тишина эта показалась намъ ужаснѣе только-что смолкнувшаго шума....

„Зебеде приподнялся; изъ носу и изо рта у него текла кровь. „Слушайте!“ — сказалъ онъ — „сейчасъ будетъ атака; заряжай ружья“.

„Едва онъ кончилъ, какъ амбаръ нашъ затрясся отъ крыши до основанія. Балки, доски, черепицы, все повалилось и посыпалось, а снизу, изъ-подъ нашихъ ногъ, красное пламя подымалось до самой крыши.

„Всѣхъ насъ сбило съ ногъ.... Оказалось, что прусаки вкатили въ амбаръ бомбу и взорвали ее.

„Привставъ, я чувствовалъ шумъ въ ушахъ, однако могъ замѣтить, что прусаки приставляли лѣстницу къ слуховому окну, а Бушъ отбивалъ ихъ штыкомъ. Очевидно, они хотѣли воспользоваться нашимъ смущеніемъ послѣ взрыва, чтобы подняться наверхъ и перебить насъ. Эта мысль оживила меня и я бросился на помощь Бушу. Тѣ изъ товарищей, которые остались еще въ живыхъ, тоже приближали, восклицая: „да здравствуетъ императоръ!“

„Мы опрокинули лѣстницу, подставленную къ слуховому окну, и продолжали отстрѣливаться. Насъ осталось только шестеро: двое стрѣляли, четверо стояли сзади, заряжали ружья и подавали ихъ намъ.

„Будь что будетъ!“ подумалъ я—„а защищаться надо до послѣдней крайности“. Товарищи, конечно, думали то же самое и защищались отчаянно.

„Кровопролитивѣйшая схватка продолжалась съ четверть часа; затѣмъ загремѣли учащенные орудійные выстрѣлы, а черезъ секунду наши товарищи высунулись въ окно и прекратили пальбу. Моя сума была пуста; я взялъ патроны у убитыхъ.

„Крики: „да здравствуетъ императоръ!“ приближались и становились яснѣе. Наконецъ голова нашей колонны, съ почервѣвшимъ и изорваннымъ знаменемъ, показалась на площади, и вступила въ улицу....

„Прусаки дрогнули и стали отходить. Мы уже хотѣли слу-

ститься внизъ, но колонна наша два или три раза оставалась передъ картечью. Крики и пальба снова смѣшались.... Забѣде, посмотрѣвъ на улицу, сошелъ по лѣстницѣ; колонна наша прослѣдовала мимо амбара и мы успѣли выбраться не оглянувшись даже на товарищей, раненныхъ взрывомъ бомбы, хотя многіе изъ нихъ раздражающимъ голосомъ молили насъ взять ихъ съ собою.

„Но таковы всегда люди: страхъ опасности дѣлаетъ ихъ безжалостными. Долго потомъ не забываются эти безчеловѣчные поступки. Дорого, кажется, далъ бы, чтобы сохранить въ подобныя минуты чувства человѣколюбія и состраданія къ ближнему; но поздно!“

Сцены, подобныя описанной, повторялись въ Линьи нѣсколько разъ во время сраженія. Французы понесли громадныя потери, совершенно разстроившія нѣкоторыя части. Между прочимъ баталіонъ, въ которомъ служилъ Берта, потерялъ около половины людей, а потому его и назначили для уборки раненыхъ и конвоирования транспортовъ. Но авторамъ хотѣлось сдѣлать своего героя участникомъ и ватерлооскаго бойца: оказывается, что на полѣ сраженія подъ Линьи забыли отдать приказаніе ротѣ Іосифа Берта гдѣ ей присоединиться къ полку, а ротный командиръ, кончивъ уборку раненыхъ и отправивъ всѣ транспорты, двинулся впередъ, да только не туда куда слѣдовало. Въмѣсто того чтобы идти на присоединеніе къ полку, состоявшему въ корпусѣ маршала Груши, направленного для преслѣдованія прусаковъ, рота взяла влѣво и присоединилась къ войскамъ, сосредоточивавшимся для атаки ватерлооской позиціи, занятой англичанами. Явленіе, конечно, весьма обыкновенное на войнѣ, но оно гибельно отозвалось на людяхъ: въ теченіе почти двухъ сутокъ, солдаты, не имѣя своихъ обозовъ, не получали довольствія, питались рѣпою, которую выкапывали изъ встрѣчавшихся по дорогѣ огородовъ, да небольшимъ количествомъ рису, который сохранился кой у кого. Въ день самаго сраженія всѣмъ войскамъ розданы были патроны и по чарѣ водки.

Ватерлооская битва очерчена Эрманъ-Шатріаномъ довольно подробно, хотя и здѣсь описывается преимущественно только то, что видѣлъ Іосифъ Берта. Онъ видѣлъ впрочемъ многое, потому что былъ въ самомъ центрѣ позиціи; остальное пополнено разказами другихъ.

Иосифъ Берта, теперь уже опытный, бывалый солдатъ, имѣющій понятіе о военныхъ дѣйствіяхъ, описываетъ сперва позицію англичанъ, какъ она представлялась ему съ того мѣста, гдѣ онъ стоялъ:

„По всему было видно, что будетъ большое сраженіе: позиція состояла не изъ отдѣльныхъ деревень, въ которыхъ зазываются частныя дѣла, а представляла обширную долину, почти обнаженную, занятую англичанами. Позади ихъ боевыхъ линій находилась на возвышеніи деревня Монъ-Сень-Жанъ, а далѣе, жили за подторы, большой лѣсъ, замыкавшій горизонтъ.

„Между англичанами и нами поляна спускалась отъ нихъ отлого и поднималась къ нашей сторонѣ; но надо было имѣть привычный глазъ, чтобы видѣть, что вправо долина становилась болѣе глубокою и почти переходила въ оврагъ. На скатѣ оврага, съ нашей стороны нѣсколько домовъ, скрытыхъ между деревьями и заборами, означали деревеньку Планшенуа. Въ томъ же направленіи, но гораздо выше и уже за лѣвымъ флангомъ непріятеля, разстилалась равнина, усыпанная деревнями.

„Всякая мѣстность яснѣе обрисовывается послѣ грозы и дождя; такъ и теперь видно было мѣстечко Сень-Ламберъ, въ трехъ миляхъ вправо отъ насъ. Слѣва и позади праваго фланга англичанъ также мелькали деревеньки, названія которыхъ мнѣ неизвѣстны.

„Вотъ все, что можно было замѣтить съ перваго взгляда, брошеннаго на обширную равнину, покрытую богатыми хлѣбными полями.

„Представлялся вопросъ: что побудило англичанъ избрать позицію именно здѣсь? и вопросъ этотъ заставлялъ пристальнѣе вглядываться въ ихъ позицію. Большая, мощная дорога, отъ Катръ-Вра къ Брюсселю, проходила черезъ центръ ея, прямо продолжалась къ Монъ-Сень-Жану и затѣмъ скрывалась въ лѣсу. Англичане защищали эту дорогу, чтобы преградить нашъ путь къ Брюсселю. Ихъ фронтъ имѣлъ оба фланга выдавшимися впередъ, и направлялся вдоль углубленной дороги, пересѣкавшей, подъ прямымъ угломъ, большую брюссельскую. Влѣво отъ шоссе, дорога шла въ углубленіи; вправо ее окаймляли жидкая изгороди и небольшія буковыя деревья. Позади дороги стояли массы красныхъ мундировъ,

наблюдавшихъ за нами изъ прикрытаго пути, отъ котораго скатъ горы спускался подобно гласису.

„На флангахъ англичане имѣли многочисленную кавалерію. Кавалерія видѣлась также и въ тылу, тамъ, гдѣ большая дорога подымается на пригорокъ, прежде чѣмъ доходить до Монъ-Сенъ-Жана. Между этой деревней и позиціей англичанъ находилась небольшая впадина, въ которой расположились ихъ резервы“.

Позиція англичанъ уподоблялась, слѣдовательно, фронту укрѣпленія, приспособленнаго къ оборонѣ огнемъ. Но впереди ея еще было нѣсколько пунктовъ, также занятыхъ ими; въ центрѣ, у самаго шоссе, прочно построенная обширная ферма Ла Гэ-Сентъ; передъ правымъ ихъ флангомъ замокъ Гугомонъ, окруженный садами и небольшимъ лѣсомъ; передъ лѣвымъ флангомъ фермы Папелотъ и Ла-Гэ.

Сраженіе заключалось преимущественно въ атакахъ французовъ противъ этихъ передовыхъ пунктовъ. Нападенія хотя и увѣнчались отчасти успѣхомъ, но истощили французскую армію, потребовали не мало времени и дали возможность подойти прусакамъ къ концу дѣла во флангъ французскаго расположенія, со стороны Сенъ-Ламбера и Планшенуа. Тѣмъ и рѣшилась битва.

„Я часто слышалъ рассказы—говорить Верта — о порядкѣ битвы. Корпусъ Рейля былъ посланъ влѣво отъ большой дороги, противъ Гугомона; корпусъ Эрлона вправо, противъ Ла-Гэ-Сентъ. Ней стоялъ поперекъ большой дороги; самъ Наполеонъ, съ гвардіей и всей кавалеріей, позади. Вотъ все, что я понималъ. Говорятъ о какихъ-то одиннадцати колоннахъ, слѣдовавшихъ на должныхъ дистанціяхъ, и перечисляютъ имена всѣхъ генераловъ ходившихъ впереди. Мнѣ кажется, я ничего подобнаго не видалъ, и потому буду рассказывать только то, что самъ видѣлъ и что помню.

„Въ половинѣ девятаго часа, наши четыре дивизіи получили приказаніе двинуться впередъ, вправо отъ большой дороги.

„Насъ было тысячъ пятнадцать—двадцать; мы шли въ двѣ линіи, держа ружья вольно и визли въ грязи по колѣно. Всѣ шли молча.

„Многіе утверждаютъ, будто мы были веселы и пѣли: это несправедливо. Когда человекъ шель всю ночь, ничего не

ѣвши, спать въ лужахъ, не имѣя права разводить огня; когда онъ сознаетъ, что идетъ подъ картечь, ему не до пѣвнн. Мы рады были, когда удавалось вытаскивать башмаки цѣлыми изъ грязи. Самые закаленные и храбрые солдаты имѣли видъ недовольный.

„Правда, музыка играла марши: трубы кавалеріи, барабаны пѣхоты, литавры и тромбоны, производили, какъ и всегда, извѣстнаго рода дѣйствіе. Трудно представить себѣ что-либо грознѣе и величественнѣе массъ людей, идущихъ стройнымъ шагомъ, съ ранцемъ за спиною, съ ружьемъ въ рукахъ; бѣлыхъ линій кирасировъ, слѣдовавшихъ за красными, коричневыми, зелеными линіями драгуновъ, гусаровъ и улановъ, значки которыхъ, въ видѣ ласточкина хвоста, казались летающими въ воздухъ; артиллеристовъ, въ интервалахъ между бригадами, ѣдущихъ верхами возлѣ своихъ орудій, которыя врѣзывались въ землю до самой оси. И все это двигалось по хлѣбнымъ полямъ, не оставляя ни одного колоса не примятымъ“....

Дивизія, въ которой служилъ Іосифъ Верта, участвовала въ центральной атакѣ вправо отъ шоссе, отбитой огнемъ англчанъ и ихъ кавалерію; потомъ, подъ личнымъ начальствомъ маршала Нея, она принимала участіе во взятіи штурмомъ фермы Ла-Гэ-Сентъ. Оба эти кровавые эпизода ватерлоскаго сраженія мастерски описаны авторами. Атака французскою кавалеріей центра англійской позиціи рассказана такъ, какъ ее могъ видѣть герой романа изъ Ла-Гэ-Сентъ. Не останавливаясь однако на этихъ эпизодахъ, перейдемъ прямо къ концу сраженія, къ той рѣшительной минутѣ, когда Наполеонъ двинулъ свою гвардію, когда исчезла надежда, что Груши поспѣетъ на поле сраженія, когда явились уже пруссаки, во флангъ французскаго расположенія.

„Несмотря на все наше изнуреніе, мы все еще не были побѣждены; кирасиры наши держались еще на плато въ центрѣ англійской позиціи.... Вдругъ, со всѣхъ сторонъ, при громѣ пушечной пальбы, послышался возгласъ: „гвардія идетъ!“

„Да гвардія двинулась!... наконецъ-то и ее тронули! Издали намъ видны были высокія, мѣховыя шапки гвардейцевъ, приближавшихся въ стройномъ порядкѣ.

„Тотъ, кто не видѣлъ движенія гвардіи въ сраженіи, никогда не пойметъ, какое довѣріе можетъ питать человекъ къ отборному войску, какое почтеніе внушаютъ къ себѣ сила и

храбрость этого войска. Солдаты старой гвардіи были почти всѣ изъ крестьянъ, люди, по крайней мѣрѣ, пяти-шести футовъ росту, здоровые, статные. Въ былыя времена они обрабатывали землю для монастырей и замковъ; потомъ поголовно возстали вмѣстѣ съ народомъ, ходили въ Германію, въ Италію, въ Египеть, въ Россію, сначала подъ начальствомъ Клебера, Гоша, Марсо, потомъ подъ предводительствомъ Наполеона, который берегъ гвардейцевъ и давалъ имъ большое жалованье. Они сами считали себя какъ бы владѣльцами обширнаго помѣстья, которое надо защищать и все болѣе и болѣе расширять. Они защищали свое собственное достояніе, не хотѣли знать ни отца, ни матери, ни братьевъ, ни земляковъ; они знали одного императора, который былъ для нихъ божествомъ!... Они такъ привыкли къ походамъ, такъ умѣли равняться, владѣть ружьемъ, стрѣлять, бросаться въ штыки, что, казалось, все это дѣлалось само собою. Когда гвардейцы шли въ атаку въ своихъ мохнатыхъ шапкахъ, въ бѣлыхъ жилетахъ, въ штиблетахъ, видно было, что это дѣйствительно правая рука императора. Когда въ рядахъ говорили, что будетъ работать гвардія, это было равносильно тому, какъ если бы сказали, что сраженіе выиграно.

„Но въ эту великую минуту, послѣ страшной рѣзни, послѣ столькихъ отбитыхъ атакъ, видя прусаковъ, атакующихъ насъ съ фланга, солдаты говорили только: „вотъ рѣшительный ударъ!“ а сами думали: „если онъ неудастся, все пропало!“

„Всѣ мы заглядѣлись, когда гвардія двигалась впередъ. Велъ ее все тотъ же Ней, который водилъ въ атаку и кирасировъ. Императоръ зналъ, что никто не поведетъ гвардіи лучше Ней; ему слѣдовало бы однако послать ее часомъ раньше, въ то время, когда кирасиры наши были между непріятельскими каре. Тогда дѣло было бы выиграно. Но императоръ берегъ гвардію какъ собственную свою плоть. Если бы онъ имѣлъ эту же гвардію, пять дней спустя, въ Парижѣ, то палата не посмѣла бы провозгласить его отрѣшеніе отъ престола. Да на бѣду гвардіи—то у него тогда уже не было!

„Вотъ почему онъ такъ долго и не рѣшался послать гвардію. Онъ надѣялся, что кавалерія, подъ начальствомъ Ней, все опрокинетъ, или же что подоспѣютъ 32,000 человекъ корпуса Груши и онъ пошлетъ ихъ вмѣсто гвардіи. Тридцать, сорокъ тысячъ легко пополнить новою конскрипціею, а сформировать

подобную гвардію нужно лѣтъ двадцать пять, да еще одержать съ полсотни побѣдъ....

„Итакъ, гвардія приближалась.... Ней, старикъ Фріанъ, трое или четверо другихъ генераловъ, были впереди. Всѣ взоры устремились на это зрѣлище: пушечные выстрѣлы, ружейная стрѣльба, стоны раненыхъ, все было забыто.... Продолжалось такъ, впрочемъ, не долго: англичане также понимали всю важность рѣшительной атаки и спѣшили собраться съ силами встрѣтить ее.

„Влѣво отъ насъ поле сраженія почти опустѣло; стрѣльба прекратилась, отъ недостатка ли зарядовъ, или оттого, что неприятель измѣнялъ свой боевой порядокъ. Вправо же, къ сторонѣ Фришмона, огонь усилился, какъ будто бы тамъ сосредоточились главные дѣйствія. Мы все еще не смѣли думать, что прусаки атакуютъ насъ, что свѣжія силы налегли на насъ! Не смѣли потому, что такая мысль казалась намъ слишкомъ необычайно. Вдругъ вихремъ промчался офицеръ генеральнаго штаба, крича:—„Груши! маршалъ Груши идетъ!“

„Это было въ ту самую минуту, когда четыре баталіона гвардіи сворачивали влѣво съ большой дороги, чтобы обойти огородъ и начать атаку.

„Сколько разъ потомъ, въ теченіе пятидесяти лѣтъ, припоминалъ я эту ночную атаку и сколько разъ слышалъ, какъ другіе рассказывали о ней. Слушая рассказы, можно было подумать, что въ дѣлѣ участвовала одна гвардія, двигавшаяся впередъ стѣною, и что на нее одну сыпалась картечь. Напротивъ, въ ужасной атакѣ участвовала вся наша армія, всѣ остатки лѣваго фланга и центра, все, что только могло держаться на ногахъ и поднять руку: вся кавалерія, истомленная шести-часовымъ боемъ, пѣхота Рейдья, собравшаяся влѣво, мы около Ла-Гэ-Сентъ. Короче сказать, все, что оставалось въ живыхъ и не хотѣло погибнуть.

„Пусть не говорятъ, что нами овладѣлъ паническій страхъ и что мы, какъ трусы, хотѣли обратиться въ бѣгство. Когда пронесся слухъ, что идетъ маршалъ Груши, тогда даже раненые поднялись и стали въ ряды. Всѣ эти несчастные, лежавшіе за Ла-Гэ-Сентъ, съ перевязанными головой, рукой, ногой, въ изорванныхъ мундирахъ, облитые кровью, всѣ, которые могли двигать ногами, присоединились къ гвардіи, проходив-

шей мимо стѣны сада. Каждый спѣшилъ опустить въ дуло свой послѣдній зарядъ.

„Барабаны били тревогу; орудія наши открыли пальбу. На горѣ же все молчало: цѣлые ряды англійскихъ пушекъ стояли покинутыми, словно непріятель уже отступилъ; но лишь только мѣховыя шапки показались на плато, пять или шесть картечныхъ залповъ показали, что насъ ждали.

„Тутъ мы поняли, что всѣ эти англичане, нѣмцы, бельгійцы, ганноверцы, которыхъ мы рубили и уничтожали съ самаго утра, теперь опять устроились, и что намъ приходится ихъ снова одолевать. Въ эту минуту многіе раненые попытились назадъ, и гвардія, на которую сыпались главные удары, подвигалась впередъ почти одна среди града пуль и картечи, опрокидывая все на пути; но ряды ея все болѣе и болѣе смыкались и она видимо таяла. Минуть черезъ двадцать, всѣ офицеры, бывшіе верхами, очутились безъ лошадей... Гвардія остановилась наконецъ передъ такимъ ужаснымъ огнемъ, что мы, въ двухстахъ шагахъ отъ нея, не слышали своихъ собственныхъ выстрѣловъ и намъ казалось, что мы понапрасну жжемъ затравочный порохъ.

Вся масса непріятельскихъ войскъ, съ фронта, справа и слѣва, имѣя по бокамъ кавалерію, наконецъ ринулась на насъ. Четыре баталіона гвардіи, уменьшившіеся съ трехъ тысячъ до тысячи двухсотъ человекъ, не могли вынести напора: они медленно отступили. Мы послѣдовали ихъ примѣру, отстрѣливаясь и отбиваясь штыками.

„Видали мы битвы еще болѣе ужасныя, но это была послѣдняя. Когда мы подошли къ окраинѣ плато, вся долина внизу, покрытая мракомъ, представляла поразительно-страшную картину смятенія и безпорядка; все разстроилось, все бѣжало, кто пѣшкомъ, кто на лошади. Одно баталіонное каре гвардіи возлѣ фермы, три другихъ баталіона нѣсколько подале, съ другимъ каре гвардіи на перекресткѣ у Планшенуа, стояли неподвижно, словно каменные стѣны среди бурнаго потока, уносившаго все остальное. Гусары, стрѣлки, кирасиры, артилерія, пѣхота, все бѣжало въ безпорядкѣ или по дорогѣ или прямо полями, точно толпа дикарей. Вдоль оврага Планшенуа небо вдругъ загорѣлось: это каре гвардіи держалось еще противъ Булова и не допускало его отрывать намъ путь отступления; но ближе къ намъ, другія колонны прусской ка-

валери стремилась въ долину, какъ рѣка прорвавшая плотину. Старикъ Блюхеръ прибылъ также съ своими сорока тысячами и наступалъ противъ нашего праваго фланга, все уничтожая передъ собою“.

Характеристика Наполеона, послѣ возвращенія его съ Эльбы, и его сподвижниковъ, причины почему онъ былъ побѣжденъ подъ Ватерлоо, очерчены Эрманъ-Шатрианомъ согласно съ новѣйшими историческими изслѣдованіями. Не менѣе вѣрно изображаютъ авторы и безотрадное положеніе Франціи, особенно французской арміи, послѣ ватерлооскаго погрома. Армія все еще надѣялась, что ее пошлютъ врозь противъ непріятеля, что ей удастся отплатить за свое пораженіе; народъ также волновался при мысли о вторичномъ занятіи Парижа непріятельскими войсками. Но все это были отдѣльныя проявленія; не доставало головы, которая бы руководила общимъ ходомъ дѣлъ, да, правду сказать, не было и возможности противиться грозной коалиціи. 3-го іюня заключена была конвенція, по которой пруссаки заняли Парижъ, а французскія войска должны были удалиться за Дуару; къ 8-му числу возвратился Людовикъ XVIII. Въ это время деморализація французской арміи достигла своего апогея: толпы солдатъ самовольно оставляли поля, и уходили на родину; въ числѣ ихъ были Іосифъ Берта и постоянный его спутникъ Бушь. Конскриптъ-философъ кончаетъ слѣдовательно тѣмъ, что оставляетъ свое знамя, дезертируетъ, утѣшаясь мыслию, что если непріятель придетъ, то страна съумѣетъ отразить его.

Пока Берта и Бушь добрались до Пондѣцбурга, вся Франція превратилась уже изъ наполеоновской въ бурбонскую и дезертирамъ пришлось испытать въ пути немало непріятностей: всюду жители и мѣстныя власти, стараясь показать свою приверженность новому порядку, встрѣчали ихъ съ негодованіемъ, заставляли ихъ кричать: да здравствуетъ король! Всюду по дорогѣ они видѣли, что Франція занята непріятельскими войсками, которые ходили какъ дома.

Представивъ содержаніе двухъ романовъ Эрмана-Шатриана, ознакомивъ съ руководящими идеями авторовъ, съ манерою ихъ изложенія, останавливаемся на вопросѣ: въ какой мѣрѣ ихъ произведенія достигаютъ предположенной цѣли? Эрманъ-Шатрианъ высказываютъ не разъ, что они имѣли въ виду представить

молодымъ людямъ всю тщету и суетность всякой славы, охладить въ нихъ пылкое увлеченіе военною славою, внушить имъ любовь къ мирнымъ занятіямъ предпочтительно предъ ремесломъ, соединеннымъ съ столькими бѣдствіями и для родины и для человѣчества. Цѣль прекрасная, если бы достиженіе ея было возможно.

Сами авторы, безсознательно, обнаружили невозможность достиженія такой цѣли тѣмъ, что избрали героемъ обоихъ романовъ натуру слабую, вялую, почти безхарактерную. Юсифъ Берта, по самой природѣ своей, не могъ дѣйствовать съ увлеченіемъ, не могъ подчиняться самолюбію, рычагу всѣхъ дѣйствій человѣка; въ немъ нѣтъ отваги, нѣтъ силы воли, нѣтъ рѣшимости; всякая опасность, всякое противодѣйствіе пугаютъ его, не возбуждая энергіи.

Подобная личность можетъ-ли служить образцомъ, идеаломъ человѣка, особенно человѣка принадлежащаго къ такой живой, воспламенительной націи, какою всегда была французская нація? Личности, подобныя Юсифу Берта, исключеніе, но никакъ не преобладающій типъ всякой, тѣмъ болѣе французской націи. Избравъ такого рода человѣка въ герои военнаго романа, Эрманъ-Шатрианъ поставилъ себя въ необходимость поддерживать свои положенія натяжками, подборомъ исключительныхъ фактовъ. Даже въ военную службу ихъ герой попадаетъ какъ бы случайно, вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ; исключительныя и событія, въ которыхъ принималъ участіе герой, потому что, ограничиваясь двухлѣтнимъ періодомъ, они не представляютъ почти ни одной свѣтлой стороны, а наполнены одиными неудачами. Кромѣ того, авторы проводятъ своего героя не черезъ всѣ фазисы военнаго быта, но лишь черезъ нѣкоторые, нарочно подобранные и поставленные въ самыя неблагоприятныя условія. При такомъ подборѣ, военная слава, конскрипція, постоянныя арміи, все что угодно явится въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ, и потому неудивительно, что умышленная односторонность, исключительность *всѣхъ* положеній возбуждаютъ недовѣріе къ выводамъ авторовъ, заставляютъ спросить: остались ли бы ихъ выводы неизмѣнными, если бы, вмѣсто Юсифа Берта, героемъ романа былъ человѣкъ съ болѣе энергической натурой, въ родѣ, напримѣръ, Зебеде, Буша или даже старика Гульдена, особенно же если бы герой участвовалъ въ болѣе счастливой войнѣ? Въ отвѣтъ; кажется, нельзя

сомнѣваться. Съ подобнымъ измѣненіемъ личности героя и его положенія можно было бы смѣло придти къ выводамъ противоположнымъ тѣмъ, какіе дѣлаютъ Эрманъ—Шатрианъ; можно было бы, несмотря на нѣкоторыя темныя пятна въ военномъ быту, оповѣстизировать и военную славу, и конскрипцію, и постоянныя арміи. Это было бы и правдоподобнѣе и естественнѣе. Не даромъ же Паскаль, одинъ изъ великихъ мыслителей, сказалъ: „La douceur de la gloire est si grande qu'à quelque chose qu'on l'attache on l'aime“ (*). Всегда, во всѣ времена, повсюду, во всѣхъ слояхъ общества найдутся поклонники славы, а тѣмъ болѣе такой обаятельной, такой громкой и блистательной, какъ слава военная.

Что еще хотѣли доказать Эрманъ и Шатрианъ своими военными романами? Они желали выставить всѣ ужасы войны, ненормальность положенія человѣка въ военное время, несогласіе и явное противорѣчіе этого положенія съ чувствами человѣчности, прогресса.... Но кто же не сознаетъ, что война одно изъ величайшихъ золъ, какія только выпадаютъ на долю человѣчества! Это всегда всѣ понимали и нынѣ понимаютъ какъ нельзя лучше. Да кто же придумаетъ средство устранить возможность возникновенія войнъ? Если войны неизбѣжны, если не прискано еще иныхъ средствъ разрѣшать вопросы возбуждаемые человѣческими страстями, какъ только силою оружія, то нельзя же не заботиться объ усовершенствованіи этого оружія, нельзя отвергать постоянныя арміи, которыя до сихъ поръ признаются самымъ надежнымъ средствомъ веденія войнъ. Изобрѣтательность ума человѣческаго безпредѣльна; можетъ быть, настанетъ золотой вѣкъ, когда придумаютъ способы для отвращенія войнъ, станутъ обходиться безъ содержанія армій; но достигнуть подобнаго результата, конечно, нельзя путемъ романовъ Эрмана и Шатриана. Военно-литературные труды этихъ писателей достойны вниманія во многихъ отношеніяхъ; основная же мысль ихъ о значеніи военнаго ремесла невѣрна.

(*) „Слава имѣетъ такъ много прелести, что всегда ее будутъ любить, съ тѣмъ бы она ни была связана“.

* * *